

НОВЫЙ
РОМАН
ЧИНГИЗА
АБДУЛЛАЕВА

Чингиз Абдуллаев

Пистолет точно на уровне моей груди. Если пуля попадет в сердце – а ей просто больше некуда лететь, – то я умру почти мгновенно. Если попадет в легкое или разорвет печень, умру в страшных мучениях через несколько минут. Что бы вы выбрали на моем месте?..

Повествование
неудачника

ЭКСМО

Чингиз Абдуллаев

Повествование неудачника

«PEN-клуб»

2012

Абдуллаев Ч. А.

Повествование неудачника / Ч. А. Абдуллаев — «PEN-клуб»,
2012

Сотрудник инвестиционной компании Илья Некрасов и не подозревал, что он – всего лишь подставная фигура в крупной сделке между руководством компании и марокканскими наркодельцами. Мало того – кто-то «сливает» информацию о сделке сотрудникам ФСБ. В любую минуту Некрасов может быть арестован. Тогда начальство использует Некрасова «вслепую» и в качестве подсадной утки отправляет его к наркоторговцам. Об этом знают всего несколько человек, и тот, кто сдаст Некрасова, – и есть «крот». Судьба и раньше не скупилась на неприятности, но теперь Илья буквально балансирует на грани жизни и смерти...

© Абдуллаев Ч. А., 2012

© PEN-клуб, 2012

Содержание

Вступление (из эпилога)	5
Глава 1	7
Глава 2	11
Глава 3	17
Глава 4	22
Глава 5	26
Глава 6	31
Конец ознакомительного фрагмента.	32

Чингиз Абдуллаев

Повествование неудачника

Возможно, дураки и учатся на ошибках, но люди неглупые все равно, вопреки всем своим ошибкам, не умнеют.

Георг Гегель

Судьба определяет жизнь и смерть, долголетие и преждевременную кончину, судьба же определяет знатное и низкое положение, бедность и богатство. Начиная от правителя до простого человека, от мудрого до глупого, для всех имеющих голову и глаза, для всех, в ком течет кровь, существует судьба. Если судьбой предназначено быть бедным и занимать низкое положение, то, несмотря на богатство и знатность, придется испытать беды и несчастья. Если судьбой предназначено быть богатым и знатным, то, несмотря на бедность и низкое положение, придется испытать счастье и благополучие. Поэтому, если судьба определяет знатность, она достигается, даже несмотря на низкое происхождение, а если судьба предопределяет бедность, то богатству создается реальная опасность.

Ван Чун, китайский философ III века

Вступление (из эпилога)

Можете представить, как я себя почувствовал при виде дула пистолета, направленного мне в грудь. Говорят, что в такие моменты перед мысленным взором человека проносится вся его жизнь. Это, конечно, неправда. Ничего не проносится, ничего не вспоминаешь, тем более про детство, про маму, папу и свои школьные годы. Их обычно вспоминаешь в гораздо более приятной и спокойной обстановке. Но когда на тебя наставляют оружие, в этот момент не до приятных воспоминаний. Только видишь это отверстие в пистолете – и понимаешь, что в любую секунду оттуда может вылететь небольшая пуля, которая оборвет твою жизнь, и больше не будет никаких воспоминаний вообще. И ничего больше не будет. Страх, полное отсутствие воли, некоторая заторможенность, и ты, как замороженный, смотришь на этот пистолет.

Собственно, я должен был понимать, что все так и закончится в моей жизни, ведь я всегда считался неудачником. И в детстве, и в юности, и потом, когда стал постарше. Ничего особенно хорошего я вспомнить не могу. А вот теперь, видимо, кто-то там, наверху, решил, что нужно поставить точку. И через несколько секунд все мои переживания и волнения уже не будут никому известны. Может, поэтому я и решил опубликовать свое повествование, чтобы рассказать о том, что именно со мной произошло. А может, просто захотелось вот таким нелепым образом оставить по себе хоть какую-то память. Пусть меня помнят неудачником, но хотя бы помнят.

Впрочем, еще неизвестно, кто и как будет меня поминать. Обидно. Ужасно обидно, что все так закончится. Пистолет точно на уровне моей груди. Если пуля попадет в сердце – а ей просто больше некуда лететь, – я умру почти мгновенно. Если попадет в легкое или разорвет печень – умру в страшных мучениях через несколько минут. Что бы вы выбрали на моем месте? Помните, как сказал Сухов в «Белом солнце пустыни»: «Лучше, конечно, помучиться»? Но я всегда боялся боли; как себя помню, так всегда и боялся. Я вообще много чего боялся в своей жизни. Не лез в обычные мальчишеские драки, сторонился своих сверстниц, не проявлял особого рвения на работе. Может, все, что произошло со мной, – это некая закономерность, которая должна была произойти именно со мной? Не знаю. Не хочу даже думать об этом. В

любом случае понятно, что жить мне осталось не так много. К тому же никто не мешает ему выстрелить мне сначала в печень, а потом в голову. Я читал, что обычно в таких случаях делают контрольный выстрел в голову, чтобы убить наверняка. Вот тогда я точно мучиться не буду. И вообще ничего не пойму, когда выстрел разнесет мой мозг.

Ох, как обидно! Как все-таки обидно, когда тебя убивают здоровым и еще не совсем старым! Господи, какая глупая мысль! Как будто всегда убивают только тяжелобольных и очень старых людей. Как раз все наоборот: убивают в основном молодых и здоровых, которые либо мешают, либо слишком много знают, либо перешли дорогу, либо являются конкурентами... в общем, можно привести кучу доводов, из-за чего убивают человека в наши дни. А старые и больные уже никому не интересны и никому не нужны. Мне еще повезло, что я успел прожить несколько больше, чем должен был жить с такой дурацкой судьбой и с таким «везением». Но хватит глупой интриги. Похоже, у меня действительно мало времени. Поэтому лучше вспомнить все, что произошло со мной, вплоть до этого дурацкого дня, когда я оказался здесь и в меня целятся из пистолета. Может, мой пример действительно окажется поучительным. Хотя говорят, что никто не учится на чужих ошибках, все предпочитают делать свои собственные и не извлекают из них нужных выводов...

Глава 1

Я родился в Казани зимой шестидесятого года в обычной семье. Отец был инженером на местном заводе полимеров, а мать работала в библиотеке рядовой сотрудницей, хотя у обоих было высшее образование. Отца тяжело ранили на войне, но главное – он вернулся живым. Много лет спустя я узнал, что у него была первая семья, до того как он встретил мою маму. Но с женой у него не заладилось, кажется, после войны она его бросила, ведь он вернулся в сорок четвертом на костылях, одна нога стала короче другой, вдобавок еще и заикался. У него была тяжелая контузия. Это потом придумают миф о наших женщинах, которые терпеливо ждали своих мужей все четыре года войны. Наверняка были и такие, которые ждали. Только первая супруга моего отца явно не относилась к их числу. Они поженились в сороковом году, и у них была трехлетняя дочь. Пока отец воевал, первая жена сначала сошлась с каким-то местным штабным офицером, потом с командированным в наш город режиссером и под конец с каким-то чиновником из райисполкома. В общем, жила не так плохо, как многие другие во время войны. Об этом мне рассказала однажды моя бабушка, мать отца, которая не могла простить его первой жене такой измены. Отец вернулся в сорок четвертом, и «добрые люди» ему сразу обо всем рассказали. Очень подозреваю, что среди «добряков» была и моя бабушка, возмущенная поведением невестки.

Но отец все равно не бросил эту стерву и продолжал с ней жить, пока в сорок девятом она сама не ушла от него. Взяла дочку и ушла к тому самому чиновнику, который стал уже большим человеком в горисполкоме. И отец остался один со своей короткой ногой и контузией. Ринат Илалутдинович Зайнашин, ветеран войны, инвалид второй группы, кавалер орденов Красного Знамени и Красной Звезды, которому в сорок девятом исполнилось только тридцать три года.

До войны он успел окончить институт и получить образование, когда его призвали в армию, через четыре месяца после свадьбы. Началась финская война, и нужны были специалисты по металлоконструкциям. Помните «линию Маннергейма»? Сплошь бетонные укрепления, с пулеметными гнездами в снегах. Сколько тысяч наших солдат и офицеров там погибло, пока преодолевали эту проклятую «линию». Отец был там впервые ранен, но достаточно легко. Я сейчас думаю, что нельзя осуждать его первую жену. Она прожила с ним только четыре месяца, а потом надо было ждать долгих четыре года. Не каждая такое выдержит, вот она и не выдержала. К тому же маленький ребенок, больная мать и две младшие сестренки. Это я все потом узнал. Конечно, это ее совсем не оправдывает, но, если подумать... На один офицерский аттестат лейтенанта, который она получала за отца, выжить впятером во время войны было крайне сложно.

В общем, отец остался один и пошел работать на завод, где начинал еще до войны. А напротив его дома была библиотека, в которую он иногда заходил. В пятьдесят четвертом там по-явилась новая симпатичная библиотекарша. Отец ходил туда почти два года, перечитал все книги, которые она ему рекомендовала, пока не решился наконец предложить молодой сотруднице встретиться после работы. Вы уже, конечно, догадались, что это была моя мать – Лидия Алексеевна Некрасова. К тому времени ей исполнилось только двадцать два года, и она была младше моего отца ровно на шестнадцать лет. В пятьдесят седьмом они поженились. В пятьдесят восьмом родилась моя сестра Зарина, а в январе шестидесятого – я. Меня назвали в честь моего деда, красного комиссара, о котором отец и бабушка всегда говорили с особым восхищением. Он погиб еще в девятнадцатом, когда моему отцу было всего лишь три года. Все очень гордились этим фактом, поэтому меня и назвали таким смешным и трудновыговариваемым именем – Илалутдин, в честь моего геройского деда. Мать не стала возражать, она тоже знала историю о нашем героическом дедушке, но для нее я стал Илюшей. Так меня все и называли, даже отец, только бабушка прямо называла меня Илалутдином. Для остальных

же я был Илюшей и почти убежден, что многие наши бывшие соседи до сих пор помнят меня как Илюшу Зайнашина.

Можно легко подсчитать, что, когда я родился, отцу было уже сорок четыре года, и по возрасту он годился мне скорее в дедушки, чем в отцы, ну а матери, соответственно, двадцать восемь. Детство мое было обычным, жили мы в небольшой двухкомнатной квартире. В спальне спали родители, а рядом стояли наши детские кроватки. Потом, когда повзрослели, мы переехали с сестрой на эти кровати, а родители устраивались в столовой. Мама спала на диване, а отец предпочитал раскладушку или спал на полу. Он вообще любил спать на жестком – видимо, сказывались его ранения.

В отличие от других детей мы много читали. Книг у нас всегда было предостаточно, сказывалась профессия мамы. Да и книги тогда стоили копейки. А еще мы ходили в библиотеку, и мама заставляла нас читать книги, которые считала обязательными для любого ребенка. Может, поэтому мы с сестрой были более начитанными и образованными, чем многие наши сверстники. Карьеру отец так и не сделал, всю свою жизнь проработал рядовым инженером на заводе. Ему было уже далеко за пятьдесят, когда его выдвинули в председатели профкома. Говорят, председателем он был честным и принципиальным. Никаких особых предпочтений для себя и своей семьи никогда не требовал, помогал рабочим, чем заслужил уважение всего коллектива завода. Он умер на пятьдесят восьмом году жизни, когда мне еще не было и четырнадцати. Честно говоря, с отцом мы никогда не были особенно близки. Он рано утром уходил и поздно вечером возвращался. Почти никогда не рассказывал о своем героическом фронтовом прошлом. Да и вообще говорить много не любил – из-за заикания после контузии. В выходные обычно сидел во дворе и читал газеты или уходил к друзьям, и они пили чай. Не смейтесь, действительно пили чай. Отец не переносил алкоголя, я никогда в жизни не видел его пьяным. Но когда его не стало, я сразу почувствовал пустоту в нашем доме. Сестре было уже шестнадцать, они с матерью громко плакали на похоронах. Все говорили правильные речи, играл оркестр, директор завода вспоминал о заслугах покойного. Оказывается, уже в мирное время отец был награжден орденом Трудового Красного Знамени, о котором я даже не знал. Можете себе представить? В общем, и на фронте, и в работе этот человек не щадил себя, выкладывался по полной – и в пятьдесят восемь лет «сгорел». Такое это было поколение. Их родители защищали страну в Гражданскую, а они отстояли ее в Великую Отечественную. Мое поколение не пережило такой большой войны, хотя у нас был Афганистан. А уже следующее поколение – наши дети, родившиеся в восьмидесятые – девяностые, – это уже люди, не готовые ничего и никого защищать, даже собственные интересы. Энергия красных комиссаров и отвага их дедов на полях сражений Второй мировой выродилась в наших детях и внуках.

На похоронах многие вспоминали, как отец помогал им, ходил в райисполком, выбивал квартиры и путевки нуждающимся. В общем, говорили те слова, которые обычно говорят в таких случаях, – светлые воспоминания, незаменимый работник, хороший семьянин, верный товарищ, фронтовик. А потом все поехали к нам на поминки.

Мать устроила поминки по мусульманскому обряду. Отец был татарин, а она русской. Так что на стол подавали плов, а спиртное отсутствовало. Кажется, многие остались недовольны, но мать настояла, чтобы не было выпивки. Никто не решился спорить, хотя некоторые из друзей отца все же «помянули» его по собственному разумению, разлив водку под столами.

После смерти отца мать сразу как-то потухла, стала носить непонятные широкие юбки, как-то странно одеваться, голова всегда покрыта платком. Она мгновенно превратилась не просто в молодую вдову, а постарела лет на двадцать. Больше в ее жизни не было ни одного мужчины. Вот такая судьба моего отца. Первая жена, умудрившаяся завести во время войны сразу трех любовников, – и вторая, которая вышла за него замуж девственницей и осталась верна ему даже после смерти. Вот так иногда бывает в жизни.

Шел тысяча девятьсот семьдесят четвертый год. Потом это время назовут временем «брежневского застоя». Может, тогда и был застой – сейчас приводят разные цифры и факты, – но я точно знаю, что на зарплату моей мамы, работавшей в библиотеке, и на пенсию бабушки мы с сестрой могли нормально жить, питаться, ходить в театры и в кино, покупать себе одежду. Как вы думаете, сегодня подобное возможно – на зарплату библиотекаря и пенсию старушки поднять двух взрослых детей и прокормить четверых? Если честно ответите на этот вопрос, то больше никогда в жизни не будете вспоминать про «застой». Это я так, к слову о понятиях.

Через два года я должен был получить паспорт. Надо сказать, что мое дурацкое имя меня несколько раздражало. Если узнавали, как меня зовут, сразу начинали дразнить. Такое имя редко встречалось даже в татарской столице – Казани, а я учился в школе при нашем заводе, где почти все ребята были либо русские, либо украинцы. Постепенно я даже привык к тому, что меня все называли Ильей, и когда получал паспорт, потребовал, чтобы меня записали не Илалутдином Зайнашиным, а Ильей Некрасовым.

Сестра на меня даже обиделась. Она была Зариной Ринатовной Зайнашиной, а я стал Ильей Ринатовичем Некрасовым. Отчество менять не разрешалось, иначе я наверняка поменял бы и его. Я ничего не имею против татар, но уже тогда твердо решил для себя вырваться из провинциальной Казани и поехать учиться в Москву. До шестнадцати лет мы только два раза выезжали из Казани – отец раздавал путевки всем, а для собственной семьи выбивал их очень неохотно. Один раз мы отдыхали всей семьей в Ялте, и море произвело на меня неизгладимое впечатление. Я вернулся в Казань и даже на-учился плавать в заводском бассейне, чтобы еще раз отправиться на море. Эта бескрайняя водная гладь меня просто потрясла. А во второй раз мы ездили с Зариной в какой-то молодежный лагерь на Северном Кавказе, в Пятигорске. Зарине там очень не понравилось, к ней все время приставали местные парни. Это я узнал позже, когда мы уже вернулись. Один раз ее по-настоящему спасли ее татарские имя и фамилия. Двое местных подростков решили всерьез заняться приехавшей недотрогой, но, узнав, что она мусульманка, не тронули ее.

В семнадцать лет я окончил школу. Моя сестра к этому времени уже училась в институте; она мечтала стать врачом и, получив золотую медаль в школе, достаточно легко поступила в медицинский – ей надо было сдать только один экзамен по химии, и она сдала его на «отлично». У меня не было золотой медали. Учился я неровно, на четверки и тройки, хотя троек было не так много, но вступительные экзамены я провалил, набрав только четырнадцать баллов из двадцати, что не давало право быть зачисленным в студенты.

Я понял, что моя дальнейшая жизнь на ближайшие два года определена. Так и получилось. Несколько месяцев я не учился и не работал, слоняясь без дела и дожидаясь повестки. Наши военкоматы работали как часы. Как только зимой мне исполнилось восемнадцать, я сразу получил повестку в армию – и уже через несколько недель стоял, стриженный наголо, перед медицинской комиссией, которая определила меня в пограничные войска в экзотический для меня Таджикистан. Тут я, конечно, впервые подумал, что не стоило так быстро менять имя и фамилию. Может, в этом самом Таджикистане ко мне будут лучше относиться, если узнают, что я тоже мусульманин? Но было уже поздно, и Илья Некрасов отправился «по этапу» сначала в Душанбе на предварительные двухмесячные курсы, а уже оттуда – на границу в горы, где мне предстояло отслужить два года.

Мы прибыли туда вместе с моим товарищем-белорусом Кирьяном Нехаем, с которым я успел подружиться на курсах. Можете себе представить, его фамилия действительно Нехай. Сколько неприятностей и смешных случаев было у него из-за своей фамилии, и я понимал его лучше других. Кирьян родом из деревни в Витебской области, и для него поездка в Таджикистан была как полет на Луну.

На границу мы приехали часам к пяти вечера. Нас сразу вызвал к себе начальник заставы капитан Гудыма, который недовольно оглядел новичков и негромко произнес:

– Значит, так. Застава у нас небольшая, но дружная. Новичков не обижаем, но работать заставляем. Иначе нельзя, такой закон. Начнете с чистки туалетов и уборки казарм. Потом посмотрим, что с вами делать. И учтите, что здесь вы не просто отбываете свой срок. Здесь вы проходите настоящую школу жизни, чтобы вернуться в свои родные места уже взрослыми мужиками.

Он был украинцем и сразу невзлюбил белоруса Нехая, ко мне же относился более терпимо. На заставе служили два офицера – кроме капитана, был еще лейтенант Волохов, – прапорщик Нуралиев, четыре сержанта и тридцать восемь рядовых, не считая нескольких местных жителей, работавших у нас вольнонаемными.

Ночью я вышел из казармы и посмотрел на окружавшие границу горы. Зрелище было величественным и впечатляющим. Неожиданно я услышал, как рядом тяжело вздохнул Нехай. Он тоже не спал в эту первую ночь, глядя на освещенные луной склоны вершин. Мы так с ним и простояли несколько минут, ничего не говоря друг другу, пока нас не согнал с места появившийся дежурный сержант. Откуда нам было знать, что уже в следующем году это место станет прифронтальной зоной, а в соседней стране начнется война?

Глава 2

В просторном кабинете, из которого открывалась панорама почти всего города, сидел хозяин кабинета. Ему было уже пятьдесят два года. Валентин Давидович Рашковский, один из учредителей и основателей известного банка «Армада», закрытого еще в начале этого века. У Рашковского уникальная биография. Его отец был наполовину поляком, наполовину грузином – именно поэтому его называли Давидом, – а мать была русской. Давида Рашковского, коронованного «вора в законе», знали не только в Грузии, но и по всему бывшему Советскому Союзу. В семидесятые годы в СССР началось развитие целой империи так называемых «цеховиков». Это были предприимчивые люди, использующие ошибки и недостатки социалистической системы в собственных интересах. На обычных фабриках или в полукустарных условиях они налаживали производство и выпуск дефицитных товаров местной легкой промышленности, удовлетворяя спрос населения. Выпускались дефицитные блузки, кофточки, платья, даже джинсы, пара которых могла стоить в СССР на руках у спекулянтов больше месячной зарплаты.

Давид Рашковский не только был криминальным авторитетом, но и держал под контролем производство дефицитных товаров от Риги до Баку. Нужно сказать, что власть жестоко преследовала подобных «цеховиков» и их покровителей. Беспощадные приговоры поражали своей жестокостью. За хищения в особо крупных размерах выносились однозначные приговоры о расстрелах. Даже насильники и убийцы имели шанс получить помилование, но с «цеховиками» власть поступала самым безжалостным образом, понимая, что эти люди не просто работают на себя – они разрушают советскую плановую экономику и наглядно демонстрируют преимущества индивидуальной деятельности над плановым хозяйством.

Рашковский был богатым человеком даже по меркам Запада, а в бывшем СССР он считался одним из самых уважаемых и богатых людей в стране. Все свои деньги и влияние он передал своему сыну, основавшему банк «Армада» и сделавшему карьеру уже в новых экономических условиях. Тогда Валентину Давидовичу Рашковскому было чуть больше тридцати.

«Армада» стал одним из первых и наиболее успешных коммерческих банков начала девяностых. Тогда шла беспощадная борьба за выживание, и многие банкиры вместе с криминальными авторитетами оказались на кладбище. В этой войне Валентину Рашковскому удалось не только выжить, но и сохранить свой бизнес. В середине девяностых он уже был влиятельной политической фигурой, а его состояние оценивалось в несколько сот миллионов долларов.

Разумеется, подобные успехи вызывали ненависть недоброжелателей, порождали врагов и завистников. На Рашковского несколько раз покушались, несколько раз пытались подорвать репутацию его банка, но все попытки оказались тщетными. Шепотом рассказывали, что спецслужбы даже провели специальную операцию, заслав к нему своих агентов, среди которых была и женщина, ставшая его личным секретарем. Служба безопасности банка смогла всех их вычислить. Говорили, что Рашковский пощадил только секретаршу, к которой испытывал симпатию, поэтому сохранил ей жизнь. Еще добавляли, что, как и отец, сам Валентин Рашковский также считался одним из коронованных королей преступного мира – правда, ни разу не побывав в тюрьме и не получив официального звания «вора в законе», к которому банкир относился достаточно скептически. Как бы там ни было, к началу нового века его состояние оценивалось уже близко к миллиарду долларов, и он попадал в списки журнала «Форбс».

Но затем все поменялось. К власти в стране пришла другая команда, в которой преобладали уже не бывшие друзья Рашковского, а товарищи из компетентных органов. Рашковский оказался умнее многих своих куда более богатых и влиятельных соседей по списку «Форбса». Одни, потеряв свое влияние, предпочли сбежать в Англию, чтобы отсидеться там, как Борис Березовский; другие, отказавшись от борьбы, эмигрировали в Израиль, чтобы пережить там

новые времена, как Владимир Гусинский; третьи выбрали очень непривычную для себя роль борца с существующим режимом и оказались в тюрьме, как Михаил Ходорковский.

Рашковский же пошел по другому пути – благоразумно отказался от акций своего банка, передав контрольный пакет представителям государства, входившим в состав директоров «Армады»; свернул почти всю свою деятельность в России, предпочитая вкладывать деньги в другие предприятия за рубежом, – одним словом, выбрал себе путь Романа Абрамовича, который вполне лояльно выполнял все требования власти, соглашаясь даже работать губернатором далекой Чукотки и вкладывать деньги в развитие этого края. Взамен Абрамовичу разрешили продать все свои активы и спокойно вывезти огромные суммы за рубеж, где он поражал иностранцев своими невероятными покупками, приобретая футбольный клуб «Челси», невиданные прежде яхты и самолеты, дворцы и поместья.

Но Рашковского подобная мишура мало интересовала. Правда, и денег у него было гораздо меньше, чем у Абрамовича, – примерно раз в десять или в пятнадцать. Но даже тех полутора миллиардов, которые оставались у Валентина Давидовича после сворачивания всех дел в России, было вполне достаточно, чтобы удовлетворить свои амбиции и позволить себе жить так, как хотелось. Сейчас он возглавлял инвестиционную компанию «ТОР», в которой владел контрольным пакетом акций.

Сидевший напротив него мужчина лет шестидесяти по внешнему виду напоминал ресторанного метрдотеля. Мягкие, плавные движения, неспешная речь, волосы каштанового цвета, которые он, конечно, подкрашивал, крупные черты лица. Леонид Дмитриевич Кудлин работал еще с отцом Рашковского и был знаком с их семьей уже больше тридцати пяти лет. Он помнил маленького Валентина, когда тот был еще подростком; помнил становление и взросление молодого Рашковского. Умирая, старый Давид поручил сыну всегда иметь рядом с собой Кудлина, который за столько лет действительно ни разу не подвел Валентина Давидовича. Более того, он всегда оказывался неизменно прав в любой сложной ситуации, которая возникала вокруг персоны Рашковского. Именно с подачи Кудлина Валентин Давидович в начале века отказался от контрольного пакета акций своего банка. Кудлин отчетливо видел, что наступали новые времена и необходимо было срочно перестраиваться. Другие, не сумевшие понять или разобраться, что именно произошло, проигрывали бесповоротно. Немногие, сумевшие осознать степень перемен, безусловно выигрывали.

Кудлин словно каким-то неведомым образом сумел подслушать разговор между уходящим президентом и его преемником, при котором последний пообещал в течение первых нескольких лет не трогать команду предшественника. Новый президент был из числа офицеров Комитета государственной безопасности. Он умел ждать, умел слушать и слышать, умел терпеливо выбирать подходящее время для смены команды. Собственно, все потом так и произошло. Даже руководитель администрации президента и премьер-министр не удержались в своих креслах. Новый президент обновил почти всю команду, расставив везде своих людей. В отличие от прежних, с которыми всегда можно было договориться за два или три процента, эти оказались упертыми державниками. Нет, они тоже зарабатывали миллионы, умело манипулировали своими должностными предпочтениями, отлично выстраивали новые схемы взаимодействия с финансовыми и правоохранительными органами. Но все понимали, что работа в команде требует определенных жертв и уступок, и охотно шли на подобные «издержки». Они не получали свои «откаты» и «проценты» так грубо, как это делалось в девяностые годы. Наоборот, теперь они умело манипулировали своим влиянием и положением, умножая собственные доходы, которые вырастали до неприличных для государственных чиновников размеров.

Кудлин предвидел подобное развитие еще в начале нулевых, понимая, что пришедшая на смену «либеральным демократам» команда, состоящая из «патриотов» и «державников», резко сменит ориентиры и не позволит существовать в стране параллельным центрам власти

в виде крупных банкиров или олигархов, пытающихся руководить страной. Именно поэтому он не только сумел спасти состояние Рашковского, но и умело вывел из-под ударов свои собственные деньги, позволявшие причислить его к числу не самых бедных соотечественников.

Теперь, сидя в кабинете Рашковского, они негромко разговаривали. На столике стоял довольно большой скремблер, исключая возможность прослушивания и записи их разговора. На всякий случай в кабинете работал еще и телевизор, включенный на достаточную громкость, чтобы заглушить их слова.

– Уже второй, – зло напомнил Рашковский. У него было породистое лицо, делавшее его похожим на киноартиста, и густые темные волосы, все еще не начавшие седеть.

– Да, второй, – спокойно подтвердил Кудлин, – но я не считаю, что мы должны с тобой так переживать из-за этого случая.

– По-моему, ты издеваешься, – нахмурился Рашковский. – Как это «не должны»? Может, мне устроить праздник в честь второго провала? Собрать друзей, выпить, рассказать о наших неудачах? Может, подскажут или помогут?

– Не нужно так нервничать, – терпеливо повторил Кудлин. – Конечно, это очень неприятно, но пока несмертельно. Как говорят ученые в таких случаях, отрицательный результат – это тоже результат, позволяющий продвигаться вперед.

– У нас здесь не научные эксперименты, – повысил голос Рашковский.

– Не кричи, – попросил Кудлин, показывая на лежавший скремблер, – иначе нам не поможет даже новейшее оборудование. Твой крик просто услышат в приемной.

– Ты опять считаешь, что у нас завелись «кроты»? – невесело усмехнулся Рашковский. – Кажется, после Марины Чернышевой ты готов не доверять даже собственной супруге.

– Предают только свои, – напомнил известную истину Кудлин. – Если ты помнишь, речь не идет о Чернышевой – она как раз никого не предавала, а честно работала на свою организацию, будучи специально внедренной в наш банк. Но все остальные... Напомнить, или ты уже забыл? Фомичев и Галустян. Их ты должен помнить.

– Не нужно называть фамилий, – быстро проговорил Рашковский, понизив голос, – их давно уже нет в живых. И учти, что мы не можем быть уверены, что нас никто не слышит, даже с этой аппаратурой. Может, там опять придумали новые разработки, и нас сейчас записывают. Не нужно ничего вспоминать. Это было давно и неправда.

– Сам говоришь «второй» – и не хочешь ничего менять, – добродушно заметил Кудлин. – Я только напоминаю, что кто-то тогда решил нанести нам удар, убрав некоторых наших близких товарищей.

Оба знали, что этот удар наносился по приказу самого Рашковского, поэтому просто посмотрели друг другу в глаза, не добавив больше ни слова.

– Ладно, хватит лирики, – предложил Валентин Давидович, – давай более конкретно. Что у нас с этим вторым?

– Его арестовали в Испании. Он приехал на встречу в Барселону, и его там взяли. Судя по сообщениям от наших партнеров, его уже ждали. Это была даже не местная полиция, а сотрудники Интерпола.

– Значит, знали заранее?

– Получается так.

– Тогда нужно понять, кто его сдал.

– Они уверяют, что сами ничего не знали. Вместе с нашим человеком арестовали и их связного.

– Он в курсе наших переговоров?

– Нет, это был один из их «шестерок», его просто послали на встречу. Так всегда делают для предосторожности.

– Лучше бы они из предосторожности охраняли нашего человека, – зло пробормотал Рашковский.

– Они сами не понимают, что там происходит.

– А ты понимаешь?

– Пока нет. Но два провала подряд... я не верю в такие случайности, Валентин.

– И я не верю, – согласился Рашковский. – Тогда кто мог сообщить о поездке нашего представителя в Испанию? Если его там ждали, то могли сообщить и наши возможные компаньоны. Но первого посланца арестовали еще на границе, значит, утечка отсюда. Или ты со мной не согласен?

– Об их поездках знали только два человека, – напомнил Кудлин.

– Кто эти двое?

– Ты и я, – ответил Кудлин.

Рашковский метнул на него страшный взгляд своих черных глаз, и взгляды их встретились. Бывший банкир невесело усмехнулся и первым отвел глаза.

– И кого теперь я должен подозревать? Тебя или себя? Может, подскажешь? Я точно знаю, что никому и ничего не говорил. Я ведь еще не идиот и не страдаю болезнью Альцгеймера. Значит, остается только один подозреваемый.

– Да, – спокойно согласился Кудлин, – только я тоже никому и ничего не говорил.

– А твой Иосиф? Он ведь твоя правая рука и знает обо всех наших делах.

– Когда Реваз уезжал, Иосифа не было в Москве, – возразил Кудлин. – Он тогда поехал в Англию, проверял, как оборудован твой новый дом, если помнишь.

– Тогда у нас проблема, – медленно произнес Рашковский. – Понимаешь, в чем дело... Не верить тебе я не могу. Мы с тобой знакомы уже тридцать с лишним лет, и я понимаю, что сдавать меня тебе просто невыгодно. Останешься один – разорвут. Все знают, что ты работаешь со мной в паре уже столько лет.

– А если бы было выгодно, значит, я бы сдал? – поинтересовался Кудлин.

– Предают только свои, – напомнил Рашковский, пристально посмотрев на своего советника, – это ты сам сказал пять минут назад. Но предают только в том случае, если это выгодно. Какая тебе выгода от срыва наших договоренностей – я не представляю, а какая выгода от завершения сделки – очень даже представляю. Выгода материальная и вполне конкретная.

– Что будем делать, уважаемый философ?

– Думать. Ты сам учил меня еще в детстве, когда я лез в драку, что прежде нужно подумать и оценить обстановку, а уже потом лезть сломя голову.

– Это верно. Но у нас целых две проблемы – вернее, даже три...

– Я думал, только одна – отправить человека, чтобы он все проверил на месте. А какие остальные две?

– Наши двое посланцев. Первым был Реваз, но за него я опасаюсь меньше всего. Он давно работает с нами и понимает, что в таких случаях лучше молчать. Себе дороже. Из него вряд ли смогут выбить показания. А если смогут, у нас будут неприятности. Не очень большие, доказательств все равно не найдут, но неприятности все равно обеспечены.

– Я знаю Реваза уже больше пятнадцати лет, – возразил Рашковский, – он будет молчать, и никто не сможет из него даже одного слова вытащить. И не забывай, что мы послали к нему своего адвоката. Если ситуация выйдет из-под контроля, нам сразу об этом сообщат.

– Согласен. Эта проблема самая легкая, а вот вторая – Леонас Кярчаускас, наш второй посланец.

– Это была твоя кандидатура, – напомнил Рашковский.

– Мы с ним работали уже давно, но я решил, что нужно подстраховаться. После ареста Реваза мы вызвали из Каунаса этого литовца, который вообще не имеет никакого отношения к нашим делам. Он ведь работал обычно в своем порту, принимал и отправлял грузы. У него

было большое преимущество – он гражданин Литвы, а значит, ему не нужна виза для поездки в Испанию. Конечно, мы рисковали, но сознательно пошли на это, чтобы не подставлять наших людей. И его тоже взяли. Но к нему мы не можем послать нашего адвоката.

– Я думаю, что его не станут бить в Интерполе, – невесело пошутил Рашковский, – или в испанской полиции, чтобы выбить показания.

– Конечно, не станут. Он считается гражданином Европы, Литва входит в ЕС и Шенгенскую зону. Я уже распорядился перевести деньги его семье, чтобы наняли хорошего испанского адвоката.

– Значит, проблем у нас нет, – подвел итог Валентин Давидович.

– Есть. Мы не знаем, кто и как выдает наших людей. Это во-первых. Не можем доверять нашим будущим компаньонам, которые не смогли обеспечить безопасность Леонаса. Это второе. И, наконец, самая главная проблема – нужно найти третьего посланца или отказаться от работы с марокканцами.

– Ты считал прибыль от этой сделки, – произнес Рашковский, – кажется, говорил, что полторы тысячи процентов гарантировано. Ты много знаешь дел, за которые можно получить такой процент? Если знаешь, подскажи.

– Не знаю, – согласился Кудлин, – но мне не нравится такое начало. Нужно очень серьезно продумать кандидатуру третьего. И если он провалится, будем сворачивать наши отношения с марокканцами. Значит, мы что-то не можем предусмотреть, а это самое опасное в нашем деле.

– Может, туда отправиться мне или тебе? – невесело предложил Рашковский. – Погуляем, посмотрим красивые места, заодно все лично проверим.

– Ты сможешь проверить качество товара? – спросил Кудлин. – Лично я не могу даже посмотреть на него. У меня больная печень, и диабет зашкаливает, ты об этом прекрасно знаешь. Ты тоже не подходишь на роль приемщика товара, слишком известная фигура. Представляешь, какие заголовки будут в газетах, когда тебя арестуют?

– Типун тебе на язык, – рассмеялся Рашковский. – Надеюсь, что не доставлю такого удовольствия нашим журналистам.

– Тогда будем думать, – согласился Кудлин. – Еще раз все проверим, пройдем заново всю цепочку. Может, к нам опять кого-то внедрили.

– Это твоя забота, – заметил Валентин Давидович, – ты у нас главный специалист по всем этим гадам. И разыщи наконец своего генерала, он ведь может нам помочь.

– Нельзя, – убежденно ответил Кудлин, – сейчас нельзя. В Министерстве внутренних дел идет переаттестация всего руководящего состава. За ним наверняка наблюдают сотрудники собственной службы безопасности МВД. Генерал сейчас должен быть чистым как стеклышко, чтобы спокойно пройти переаттестацию и не вызывать никаких подозрений. Когда все закончится, мы с ним встретимся.

– Когда все закончится, он нам вообще не будет нужен, – отчеканил Рашковский.

– Такие люди нам всегда будут нужны, – возразил Кудлин. – Это как золотой запас, который никогда не теряет в цене, а только дорожает с каждым годом.

– Что ты предлагаешь?

– Слишком много неизвестных, – задумчиво произнес Кудлин. – Я думаю, что нужно начать собственную игру, сыграть на опережение.

Раздался звонок внутреннего телефона. Рашковский нажал кнопку.

– Валентин Давидович, вы просили напомнить, что у вас сегодня обед с австрийским послом, – сообщила секретарь.

– Да, я помню. Скажи Акперу, что мы поедем в половине первого, чтобы не опоздать.

Акпер Иманов был руководителем его службы безопасности и работал с ним уже больше десяти лет.

– Как твоя новая секретарша? – поинтересовался Кудлин. – Нормально работает?

– Пока да, а почему ты спрашиваешь?

– Она у нас только пять месяцев, и уже два провала, – объяснил Леонид Дмитриевич.

– Ты думаешь, это как-то связано с ней?

– Нет, просто вспомнил, сколько она работает. Ты ведь у нас всегда берешь на работу девочек из модельных агентств. О твоих секретаршах рассказывают такие красивые легенды... У тебя с этой Виолой что-то было?

– Не говори глупостей! Ты ведь знаешь мой принцип – на работе никаких фривольностей, никаких интрижек. Иначе это не работа, а бардак. Если бы я хотел с ней спать, сделал бы ее любовницей, а не секретарем.

– Это я понимаю, – удовлетворенно произнес Кудлин, – но однажды ты уже изменил собственным принципам, и мы едва не погорели...

– Я помню, – негромко ответил Рашковский, меняясь в лице, – не нужно мне напоминать. Это урок на всю жизнь. Нет, я не сплю с Виолой и никогда этого не сделаю. Теперь ты удовлетворен?

– Вполне. Хотя хорошо, что она этого не слышит. Каждая из них приходит к тебе в приемную с тайной надеждой, что ты наконец обратишь на них внимание.

– Иди к черту! – рассмеялся Рашковский.

– Уже уйду, – кивнул Кудлин, – и обещаю, что буду очень крепко думать над нашими проблемами.

Глава 3

Пограничные войска входили в систему всемогущего Комитета государственной безопасности. И, конечно, на границе не было такой страшной «дедовщины», как вообще в армии. Да и коллектив достаточно небольшой, все друг друга знали и относились достаточно терпимо. И хотя капитан Гудыма был неприятным типом, злым и упертым, нужно отдать ему должное – своих ребят он всегда прикрывал и никогда не сдавал. А лейтенант Волохов страдал характерной болезнью – почти все время был немного навеселе, умудряясь находить самогон даже в условиях высокогорья у местных жителей.

За первые полтора года мы задержали троих или четверых нарушителей, чабанов и охотников, случайно оказавшихся на нашей территории. Ни одного серьезного нарушителя мы так и не увидели. Сейчас в это трудно поверить, но это действительно так. В соседнем Афганистане произошла революция, к власти пришел Нур Мухаммед Тараки, и наши соседи решили строить социализм. Можете себе представить? Из раннего феодализма – сразу в социализм!

Но контрабандистов и вражеских шпионов у нас не было. Все афганцы прекрасно знали, что мы очень неплохо контролируем свою границу, и не рисковали лезть к нам через горы. Тем более что с другой стороны был город Питай, и начальник полиции вместе с руководителем местной власти этого городка считались нашими друзьями и довольно часто бывали на нашей стороне.

В общем, служба протекала спокойно, и вскоре я даже стал сержантом. Кирьяну сержанта не дали, его Гудыма недолюбливал. А потом мы узнали, что Тараки задушили, и вместо него лидером афганских революционеров стал Хафизулла Амин. Наш прапорщик Нуралиев еще глубокомысленно изрек, что это нормально, когда один лидер убирает другого. Но оказалось, что не все так нормально... Амина потом обвинили в том, что он был едва ли не американским шпионом. Вы все, конечно, помните, что потом случилось. В декабре в Кабуле произошел очередной переворот, только на этот раз там отличились наши профессионалы. Во дворец Амина ворвались сотрудники наших элитных групп и убили его, заодно перебив и его охрану, и, кажется, кого-то из членов его семьи. И мы еще говорили о каких-то наших идеалах... Все это вранье, пока не сталкиваешься с действительностью. До сих пор не понимаю – для чего нам это было нужно и кто советовал устроить такую глупую резню в спокойном государстве? А потом туда привезли это ничтожество Бабрака Кармаля, и в Афганистан вошли наши войска. Хотя нет, все было совсем наоборот. Сначала вошли наши спецназовцы, потом войска, а уже потом привезли Кармаля, который и обратился за союзнической помощью к уже марширующим по его стране советским войскам.

Это произошло уже зимой восьмидесятого, до моей демобилизации оставались считанные месяцы. И мы узнали, что в Афганистане началась война. Все понимали, что это не просто ввод наших войск в мирный Афганистан, а война, которая затянется на долгие годы – ведь невозможно победить миллионы сельских жителей, рассыпанных на огромных территориях.

В общем, уже через два дня на нашей заставе появилось начальство. Приехал какой-то неизвестный мужчина в штатском, подполковник, руководивший нашим отрядом, и еще несколько старших офицеров. Всем сообщили, что теперь нужно будет усилить внимание к государственной границе, ведь в соседней стране идет война, которую начали империалисты. Мы молча слушали и прекрасно знали, что никаких империалистов там не было. Просто шла обыкновенная борьба за власть, когда одна гадина съела другую, а потом, с нашей помощью, появилась третья гадина и, с нашей же помощью, съела вторую.

Уже через неделю мы задержали первого беженца с той стороны, потом еще несколько человек. Таджики и узбеки, проживающие в Северном Афганистане, начали перебираться к нам в надежде спастись от ужасов войны. Затем появились наркокурьеры, которым помогали

некоторые наши офицеры. Это была самая большая тайна афганской войны. Любой воинский контингент, входивший в Афганистан, неминуемо оказывался перед дилеммой, как ему дальше существовать. Ведь все понимали, что опиумный мак дает неслыханные доходы при его транспортировке в Европу. А войска входили в страну вместе с самолетами и вертолетами. Теперь все поняли? Конечно, наркотики перевозили и те, кто хотел на них заработать. А заработать очень легко. Просто погрузить несколько мешков в салон и выгрузить где-нибудь в европейской части нашей страны. В результате можно получить деньги, превышающие любой генеральский оклад на тысячу лет вперед. Кто перед таким устоит? Может, поэтому никто не мог добиться никакого военного успеха, и в этом как раз и состоит главный военный секрет Афганистана? На самом деле побеждают не талибы или моджахеды, а соблазн деньгами и наркотиками.

Так было с нашими войсками, начавшими разлагаться в Афганистане, так будет и с американцами, и с войсками НАТО. Они привезут эту заразу к себе домой и станут не только поставщиками и курьерами, но и сами подсядут на этот проклятый героин, идущий из некогда тихой южной страны. Единственная сила, которая может действительно справиться с этой чумой, – фанатики-талибы. Сейчас вы сразу вспомните о моем отце и скажете, что я сторонник исламского государства. Ничего подобного, я говорю абсолютно искренне. Только фанатики, верящие в Аллаха, способны отрубать головы наркоторговцам и контрабандистам и проявлять необходимую последовательность и жестокость, чтобы бороться с этой чумой. Но здесь есть еще один нюанс. Эти же фанатики считают, что отравлять и одурманивать неверных – вполне богоугодное дело, поэтому, решительно расправляясь со всеми возможными контрабандистами и поставщиками наркотиков в собственных странах, берут под свой контроль наркотрафики и с удовольствием травят этим зельем европейские страны и американцев, а заодно и получают деньги от продажи этой гадости. Но все равно это один контролируемый канал, тогда как в отсутствие жесткой власти наркотики идут по всем каналам, включая официальные, дипломатические и особенно военные. Таможенники не проверяют военный транспорт и военные грузы, а этим почти всегда пользуются нечистоплотные офицеры.

Оставшиеся до моей демобилизации несколько месяцев были достаточно трудными, один раз меня даже чуть не убили. Все закончилось весной восьмидесятого, когда группа контрабандистов попыталась прорваться через нашу границу. Мы их остановили. Всех четверых. А они убили Кирьяна, которому оставалось служить всего два дня. Иногда бывает в жизни и такое невезение. А в меня пуля угодила рикошетом, и я попал в больницу еще на несколько месяцев. Ранение в плечо было не таким опасным, и я надеялся выйти довольно быстро, но в госпитале мне занесли инфекцию, и началось общее заражение крови, едва не отправившее меня на тот свет. В результате я вместо положенного месяца провалялся целых четыре и вернулся домой истощенный и похожий на бежавшего из фашистского концлагеря узника. Разумеется, в восьмидесятом году я уже не успел подать документы в институт. А если совсем честно, и не собирался этого делать.

Конечно, нам с Кирьяном очень не повезло. Ведь мы должны были выйти в наряд ночью, а поменялись с новичками и решили идти днем, чтобы было спокойнее и удобнее. А оказалось, что сами выбрали себе судьбу. Его убили, а меня ранили. И я в августе восьмидесятого приехал в Казань.

Устроился на завод, где работал мой отец, подсобным рабочим, и меня довольно быстро перевели в цех вальцовщиком – очевидно, в память об отце. Но на заводе мне очень не нравилось. Через несколько месяцев я уволился и пошел работать в местную типографию обычным рабочим, куда мне помогла устроиться мама. Там тоже не очень понравилось, и тогда я твердо решил уехать в Москву. К этому времени умерла моя бабушка, оставив двухкомнатную квартиру. Зарина уже встречалась с молодым парнем, и их свадьба была намечена на следующий год, когда Зарина должна была окончить свой медицинский институт и стать дипломирован-

ным врачом. У ее жениха была отдельная квартира, так что, продав квартиру бабушки, мама вручила мне деньги на поездку в Москву. Очень большие по тем временам деньги – пять тысяч рублей. Чувствуя себя миллионером, я сразу взял билет в Москву, твердо решив попытать счастья в столице, где прежде никогда не был.

Через несколько дней я прибыл на площадь трех вокзалов. Москва произвела на меня оглушительное впечатление, просто невероятное. Я поехал к нашему дальнему родственнику – Мусе Хайрулину, который жил где-то в Черемушках. Его дом я искал часа два, пока наконец не нашел эту дурацкую типовую девятиэтажку. Родственник оказался неприятным типом лет пятидесяти; он долго не открывал дверь, выпрашивая меня о моих родственниках и знакомых, а когда я уже собирался махнуть рукой и плюнуть на этого гниду, все-таки открыл.

Принял он меня нелюбезно. Сразу предупредил, что в квартире живут его мать, жена, двое детей, хотя я никого из них не видел и не слышал. Муса сказал, что мне надо устроиться в гостинице. Конечно, я готов был сразу уехать, но не знал, к кому и куда обращаться. Когда я объяснил, что деньги у меня есть, родственник согласно закивал, стал кому-то звонить по телефону, прося помочь мне с устройством в гостинице. Потом перезвонил еще кому-то. В конце концов выяснилось, что я могу поехать в гостиницу «Орленок», где мне уже забронирован двухместный номер. Кстати, уже спустя несколько лет я узнал, что на тот момент он был разведен, жил один, а его бедная мама умерла за пять лет до моего приезда. Он, наверное, думал, что я, как бедный родственник, позарюсь на его квартиру. Какое счастье, что у меня были деньги.

Вечером я, заплатив за тридцать дней, устроился в гостинице, которая должна была стать моим вторым домом, и сразу отправился на Красную площадь.

Несколько дней я просто гулял по столице, а потом решил, что нужно устраиваться на работу и думать о будущем, пришлось снова звонить Хайрулину. Он выслушал меня и сухо сообщил, что устроиться на работу без московской прописки невозможно. Я попросил помочь в оформлении этой прописки.

Хайрулин перезвонил мне через час и сказал, что столичная прописка будет стоить три тысячи рублей, и еще я должен буду жениться на какой-то неизвестной особе, чтобы гарантировать себе нормальную московскую прописку. Я был согласен на все условия. В общем, через несколько дней вместе с Мусой приехал какой-то простуженный хмырь, который все время сопел носом, говорил скороговоркой и достаточно невнятно. Он сначала внимательно проверил мой паспорт, затем пересчитал деньги – я дал вперед полторы тысячи рублей. Потом я узнал, что мне еще очень повезло. Родственник и его знакомый вполне могли «кинуть» меня, но они не обманули. Меня повезли куда-то в сторону аэропорта Шереметьево, где стояли заброшенные дома, но считавшиеся строениями в черте города. Там меня ждала женщина лет сорока пяти с помятым лицом и мрачными глазами. При мне ей выдали тысячу рублей, и она поехала в загс. Там мы заплатили еще двести рублей, и нас быстро зарегистрировали. Можете себе представить, эта тетка годилась мне в матери и выглядела на все шестьдесят.

Она напомнила мне, что через шесть месяцев нужно будет подать в этом загсе заявление на развод.

– Разве не в суд? – удивился я.

Все дружно расхохотались.

– В суде разводят только тех, у кого есть имущественные споры, – пояснил хмырь. Кстати, его все называли Вовой, – или если у вас есть несовершеннолетние дети. А если нет ни детей, ни совместно нажитого имущества, которое нужно делить, можно разводиться и через загс. Надеюсь, что вы не будете заводить детей, – добавил он под дружный смех Мусы и моей ново-явленной супруги.

Через какое-то время я отдал еще полторы тысячи, но они потребовали сверху еще двести рублей, за услуги в загсе. Пришлось отдать и эти двести. Однако теперь я был женат на моск-

вичке и мог абсолютно законно устраиваться на работу, прописавшись в ее хибаре. Позже я узнал, что она была «профессиональной женой» для таких приезжих, как я, получая с каждого по две тысячи рублей. Вы уже догадались, что оставшуюся тысячу делили между собой мой родственник и Вова. И еще двести рублей платили за оформление бумаг в загсе. А потом еще двести – при быстром разводе. В общем, у своей «жены» я был уже шестым мужем. Говорят, что ее третьим «мужем» был ставший сейчас очень популярным известный артист, которому срочно нужна была московская прописка. И он заплатил ей, кажется, пять или шесть тысяч рублей.

На следующий день я пошел искать работу. Сейчас в это трудно поверить, но в начале восьмидесятых везде висели объявления о приеме на работу. Я отправился на завод ЗИЛ, о котором много слышал, рассудив, что лучше работать на крупном предприятии, где меня не станут теребить и задавать ненужных вопросов. В отделе кадров меня встретили очень любезно – рабочих не хватало по всей стране – и сразу оформили, правда, с испытательным сроком, пояснив, что я должен прописаться у своей московской «супруги». Еще триста рублей ушли на разные формальности, но уже через месяц я работал на заводе, получал около двухсот рублей и был прописан у своей жены в ее покосившемся однокомнатном домике, где она сама, похоже, вообще не бывала.

После месяца проживания в «Орленке» я съехал в дом у метро «Текстильщики», где нашел для себя комнату у милых старичков, сдававших ее приехавшим провинциалам, и пошел в профсоюзный комитет, чтобы рассказать о неприятностях с женой, которая мне сразу начала «изменять». Сидевший в профкоме пожилой мужчина с орденскими планками на груди и култей левой руки слушал меня мрачно и явно недоброжелательно. Не перебивал, но все время морщился, словно от зубной боли.

– Не нужно было так торопиться с браком, – укоризненно сказал мне он.

Хорошо еще, что он не спросил про возраст моей супруги, иначе просто выгнал бы меня из профкома. Я понял, что здесь мне ничего не светит, и, уже уходя, неожиданно вспомнил про своего отца.

– Между прочим, мой отец тоже работал в профсоюзном комитете у нас в городе, и он, как и вы, был фронтовиком.

– В Казани? – уточнил ветеран.

– Да, конечно. На нашем заводе. У нас был большой и дружный коллектив. Там и сейчас работает около трех тысяч человек.

– Как звали отца? – неожиданно поинтересовался «старый хрыч».

– Ринат Илалутдинович Зайнашин, – ответил я. – У меня фамилия мамы, но в своей анкете я указал его имя и фамилию.

– Зайнашин был твоим отцом? – оживился ветеран. – Так я его знал. Мы с ним вместе однажды ездили по профсоюзной линии на Дальний Восток, проверяли работу профкомов в рабочих коллективах рыбпрома. Ты его сын, значит?

– Да. – Вот уж не думал, что отец может как-то помочь мне, тем более с того света.

– Геройский был человек, – горячо произнес профсоюзный вояка, – два боевых ордена имел. Он ведь в гвардейских частях служил... В общем, ты подавай заявление, думаю, мы сможем тебе помочь. Но если не хочешь жить со своей стервой, то лучше сразу разводишься, тогда мы сможем тебя и на очередь поставить как нуждающегося в жилье молодого человека и комнату дадим в нашем общежитии. А еще лучше, если ты учишься пойдешь в институт. Сейчас инженеры знаешь как нужны!

Я уныло кивнул. Даже после школы мне не удалось набрать нужного количества баллов, а сейчас об этом мечтать даже глупо.

– У меня есть знакомый проректор, с которым мы вместе воевали, однополчанин, – пояснил этот тип, который начинал мне нравиться. – Я тебя отправлю к нему, может, он поможет с зачислением на заочный. А там постепенно и институт окончишь.

В общем, этот старик изменил мою жизнь. Уже через два месяца я получил комнату в общежитии, а к концу года успел развестись, снова став холостяком. А на следующий год умудрился поступить на заочный, набрав четыре тройки, из которых две мне поставили просто из жалости. Но не забывайте, что у меня уже был двухлетний стаж службы в армии, а это засчитывалось как особая льгота при поступлении. Были и такие времена.

Шесть лет пролетели, как один миг. В общежитии жилось весело. Работа была несложной, свободного времени навалом, молодых женщин рядом сколько угодно. А двести рублей зарплаты, да еще когда не нужно платить за жилье, были целым состоянием. Я даже два раза ездил по профсоюзным путевкам за границу – сначала в Болгарию, потом в Румынию. Хорошее было время. Не скрою, что наш профсоюзный ветеран меня по-особенному опекал. Александр Васильевич Филимонов, мир его праху, хороший был мужик.

В восемьдесят седьмом я получил диплом, и меня почти сразу перевели в цех уже на должность инженера. Правда, зарплата моя к тому времени была двести шестьдесят, а как инженер, я получал только сто девяносто. Хотя часто бывали и премии. Первое время я даже не хотел переходить в цех, но потом подумал, что нужно иметь в виду и свою карьеру, и жилье, которое я могу получить как молодой специалист.

Филимонов добился для меня аж двухкомнатной квартиры в районе метро «Сокол» из освобожденного фонда. Конечно, это был царский подарок. Уже в начале восемьдесят девятого я переехал в свою двухкомнатную квартиру. Вы не можете себе представить, каким счастливым я тогда был! Мы гуляли с друзьями целых три дня. Дом просто ходил ходуном, и один раз соседи снизу, не выдержав, даже вызвали милицию. Мы, конечно, напоили патруль.

Одним словом, в двадцать девять лет я уже был дипломированным инженером с московской пропиской и двухкомнатной квартирой почти в центре города. Сейчас понимаю, что это был подарок судьбы и я просто успел вскочить в «последний вагон». Стоявшие в очереди за мной молодые ребята так больше ничего и не получили. Понимаю, что обязан был этим исключительно Филимонову, который пробил мне в профкоме такую квартиру, и памяти моего отца-фронтовика. Тогда мне казалось, что я сумел ухватить судьбу за гриву и теперь все будет так, как я хочу. Увы, все получилось совсем не так, как я предполагал. Уже через несколько месяцев начались политические и экономические неурядицы, которые в конечном счете привели к развалу нашей прежней страны и к краху моей собственной судьбы... Но не буду забегать вперед. Лучше рассказывать все по порядку.

Глава 4

На этот раз Леонид Дмитриевич Кудлин приехал к Рашковскому на дачу. Они сидели на веранде в удобных креслах-качалках. Рядом работал магнитофон с записями песен в исполнении Валерия Меладзе, которые так нравились хозяину дачи. На кухне повар готовил еду, вокруг дома дежурило сразу четверо охранников. Рашковский был в джинсах и темной спортивной майке навывпуск. Он вообще умудрялся сохранять достаточно подтянутую фигуру, несмотря на свой возраст. Кудлин приехал в светлом костюме. Темно-голубой галстук и голубой платок в нагрудном кармане дополняли облик. Несмотря на раннюю весну, было достаточно тепло, и он позволил себе расстегнуть верхнюю пуговицу рубашки, немного ослабив узел галстука. У ног Рашковского лежала породистая кавказская овчарка, смотревшая на гостя умными блестящими глазами.

– Есть новости? – поинтересовался Рашковский.

– Да. Из Испании, Леонас передал через жену. Она полетела к нему и добилась, чтобы им разрешили свидание. Он считает, что его уже ждали, поэтому и взяли во время встречи с представителем марокканцев. Но тот все отрицает, и Леонас тоже ничего не собирается говорить. Адвокат у него испанец; он заверил супругу Леонаса, что против ее мужа нет никаких фактов.

– Хорошо. И все же, выходит, мы были правы. Его там ждали.

– Да. Как и нашего Реваза. Его арестовали прямо в аэропорту. Пока он проходит как обвиняемый по другим делам и ему никто не говорит о предстоящей встрече в Испании. Но взяли его, когда он садился в самолет, вылетающий в Барселону.

– Здесь все понятно. В обоих случаях они знали о наших посланцах. Ты проанализировал ситуацию. Кто еще, кроме нас двоих, мог знать о них? Только не говори, что мой повар или мой водитель. Я при людях вообще о делах не говорю, а твоя бдительность иногда выглядит просто смешной.

– Я стараюсь для нас обоих, – сказал Кудлин, – но мы действительно проверили всю цепочку. О наших переговорах могли знать еще двое, один из которых тесно связан с Ревазом.

– Кто?

– Гиви Челанишвили. Хорек, как его обычно называют. Он много лет работал вместе с Ревазом, мог знать о том, куда и зачем тот едет. И самое главное, что до этого у них произошла ссора, о которой многие в Москве уже знали.

– Предположим, – согласился Рашковский, – предположим, что он знал Реваза и выдал его. Но он не мог знать про Леонаса. Тогда кто выдал Леонаса?

– Есть еще один человек, – торжествующе сообщил Кудлин, – это хромой Джамал.

– Джамал, – задумчиво повторил Рашковский, – мы о нем даже не упоминали.

– Он вывел нас на марокканцев, он предложил эту сделку, – напомнил Кудлин, – и был очень недоволен своими процентами, о чем говорил и тебе, и мне, считая, что мы обошлись с ним не совсем по-товарищески. Когда отправляли Реваза, он лично его инструктировал, а когда поехал Леонас, он не знал, кто именно будет, но знал, что поехал второй посланец. Ведь инструкции Леонасу давал я. Поэтому того взяли не на границе, как могло быть, если бы предатель знал имя и фамилию нашего гостя, а прямо во время встречи с марокканцем. Между прочим, это мое алиби, я ведь знал точно весь маршрут Леонаса. – С видом победителя он посмотрел на Рашковского.

– И ты не мог об этом раньше вспомнить? – нахмурился Валентин Давидович.

– Мне казалось это просто невероятным – ведь Джамал должен был получить в ходе сделки большие деньги. Но, видимо, чувство обиды и уязвленная гордость оказались сильнее. У этих кавказцев гипертрофированное чувство самолюбия.

– Не забывай, у меня бабушка грузинка, – заметил Рашковский.

– А у меня бабушка осетинка, – усмехнулся Кудлин, – и я помню, что мы оба из Тифлиса. Только наши гордые родословные тут ни при чем. Ты сам прекрасно знаешь, что для кавказского мужчины оскорбленное самолюбие дороже любых денег. Если это был Джамал, тогда все сходится.

– Удавлю его, как котенка, – сжал руку в кулаке Рашковский.

Собака, уловив его движение, подняла голову.

– Ничего, ничего, – погладил животное Валентин Давидович, – успокойся, все нормально.

– Пока мы ничего не знаем, – продолжил Кудлин, – но обязаны все узнать и проверить.

– Ага. Послать третьего, четвертого, пятого, пока наконец они все не начнут давать против нас показания? – зло спросил Валентин Давидович.

– Нет. Не нужно доводить до крайностей. Надо подготовить и послать человека, который будет в курсе наших дел. Новичок, из которого вообще ничего нельзя выжать. Такой «попка-дурак», «обманка», к которой будет приковано внимание возможных соперников, друзей и правоохранительных органов. Если пройдет благополучно, значит, все в порядке. Если возьмут, значит, это кто-то из наших. Джамалу и Гиви мы ничего говорить не будем. Может быть, «крот» завелся у наших марокканских друзей.

– Интересно, – немного подумав, согласился Рашковский, – и где ты собираешься искать этого «попку-дурака»? Чтобы он, с одной стороны, был достаточно умным, чтобы все проверить на месте, а с другой – достаточно глупым, чтобы ничего не узнавать и не расспрашивать. Где ты возьмешь такого?

– Найду, – уверенно заявил Кудлин. – Самое важное – определиться со стратегией. Он не знает, от кого туда едет, и о его визите не должен знать никто, кроме нас двоих. Благополучно выйдет на связь с марокканцами, значит, все в порядке. Потом, когда вернется, можно уже решать, что именно с ним делать – окажется достаточно сообразительным, оставим у нас, не понравится, уберем. Окажется болтуном – себе дороже, а если дураком – значит, повезло.

– Нам или ему? – уточнил Рашковский.

– Всем, – быстро ответил Кудлин.

– И это должен быть человек со стороны, – напомнил Валентин Давидович, – чтобы не имел никакого отношения к нашей компании, никакой связи с нами.

– Конечно. Я об этом тоже подумал. Но этого мало... Нужно подготовить еще двоих таких дурачков, наших посланцев к марокканцам – одного для Гиви, другого для Джамала – и найти способ сообщить обоим об этих гостях. Кого возьмут на границе или во время встречи, тот и поможет нам вычислить возможного иуду.

– Хорошо, – кивнул Рашковский, – мне твой план понравился. А может, еще кто-то мог узнать?

– Я все проверил, – заверил его Кудлин, – больше просто некому. Это не такие поставки, чтобы писать о них в газетах или снимать репортажи для телевидения. Марокканцы тоже не дураки, они рискуют не меньше нашего. Ведь пока товар у них, они не получают никаких денег. Что им делать с такой массой товара? У них начнутся проблемы, если мы откажемся от поставок. Не так просто найти в сегодняшней Европе людей, готовых заплатить наличными больше двадцати миллионов долларов.

– Не нужно о деньгах, – оглянулся по сторонам Рашковский.

– А еще говоришь, что моя подозрительность выглядит смешной, – улыбнулся Кудлин. – В общем, не беспокойся, я все продумал. Первый посланец будет направлен к марокканцам, и о нем будем знать только мы двое и человек, который с ним будет разговаривать. Этого человека мы тоже должны выбрать и проинструктировать. Затем – два других посланца. Ими может стать кто угодно, даже обычные туристы. Находим двоих подходящих людей, которым

оплачиваем недельный отдых в Барселоне, и отправляем разными самолетами в Испанию, а заодно устанавливаем за ними наблюдение. Таким образом, все и выясним.

– Ты только не учел, что в Интерполе тоже сидят не дураки. А если они вычислят нашу игру? Им ведь не нужны наши посланцы, им нужен марокканский товар. Тем более что ни один из прежних «гостей» никаких показаний давать не намерен. Значит, нужно задержать с поличным. Я бы устроил им «театральный сезон»...

– В каком смысле?

– Нужно купить несколько мешков сахара и попросить привезти нашего возможного связного к условленному месту, чтобы он проверил качество этого сахара. Представляю лица сотрудников Интерпола, когда они поймут, как именно их обманули. Еще ни одного человека не арестовывали за покупку нескольких мешков сахара.

– Хочешь разозлить Интерпол?

– Хочу, – кивнул Кудлин. – Не люблю проигрывать. Попытаюсь взять реванш хотя бы таким необычным способом.

– Действуй, – согласился Рашковский, – и учти, что я через два дня улетаю к Оксане в Лондон. – Оксана Савчук была его второй женой.

– Она давно там?

– Уже неделю, как раз в среду улетела. А до этого приезжала к нам месяца два назад.

– Два месяца назад, – повторил Кудлин, несколько растерянно глядя на своего собеседника.

– Да, два месяца... – Вдруг Рашковский увидел выражение лица своего советника и осекся: – О чем ты подумал?

– Да, – кивнул Кудлин, – и ты тоже об этом подумал.

– С ума сошел, – неуверенно пробормотал Рашковский, – совсем чокнулся от своей шизофренической подозрительности.

– Два месяца назад, – упрямо повторил Кудлин, – мы как раз планировали отъезд Реваза. А две недели назад говорили об отправке Леонаса.

Рашковский замер. Он протянул руку, взял рюмку с коньяком, залпом выпил и неожиданно закашлялся. Кудлин поднялся и несколько раз хлопнул своего патрона по спине. Собака тут же вскочила и зарычала на гостя, осмелившегося ударить ее хозяина. Рашковский сделал ей знак рукой, чтобы она успокоилась.

– Ненавижу тебя, – наконец выдавил он, обращаясь к гостю. – Скоро начнем подозревать наших детей и даже наших собак. Ты считаешь, что на нее надели «жучок», чтобы слушать наши разговоры?

– Очень может быть, – меланхолично заметил Кудлин, усаживаясь на свое место.

– Хватит! – резко проговорил Рашковский. – Давай на этом закончим. Я доверяю своей жене, к тому же никогда не посвящаю в свои дела. И ты об этом прекрасно знаешь.

– Но она могла слышать...

– И побежала с заявлением в ФСБ? Зачем мне тогда такая сука в собственном доме? Неужели ты действительно думаешь, что Оксана могла это сделать! Она ведь неглупая женщина и знает, что я не ангел; но сдавать своего мужа, отца своего сына, на котором держится ее благосостояние и обеспеченная жизнь, по меньшей мере глупо. Тебе так не кажется?

– Предают только свои, – протянул Кудлин, – ты ведь тоже об этом всегда напоминаешь.

– Но не в этом случае, – отрезал Рашковский. – Давай заканчивать эту глупую дискуссию. Если все сделаем правильно, то уже через несколько дней будем точно знать, кто нас сдает и кому мы должны быть благодарны за эти «подарки».

– Узнаем, – пообещал Кудлин. – Остается только уточнить, кто будет беседовать с нашим «попкой».

– Ты сначала найди его, а потом мы найдем и нашего человека, – добродушно произнес Рашковский, поглаживая собаку. Она действовала на него благотворно. Было заметно, что и ей нравится его ласка.

– Это важный вопрос, – возразил Кудлин. – Должен быть человек, которому мы верим на все сто процентов. Чтобы, в случае ареста нашего «попки», он наверняка нас не выдал.

– Где я тебе найду человека, которому могу верить на сто процентов, – поинтересовался Рашковский, – если мы друг другу не верим на сто процентов? А еще ты готов подозревать даже мою супругу.

Кудлин оглянулся, словно опасаясь, что его услышат, и тихо проговорил:

– У меня есть одна кандидатура.

– Интересно, – неприятно поразился Рашковский. – Значит, ты знаешь человека, которому я могу доверять на сто процентов? И этот человек не ты, не моя жена и наверняка не мой сын. Может, тогда поделишься секретом, кто это такой? Кому я могу так верить? И кто в случае ареста будет молчать на допросах и не выдаст меня ни при каких обстоятельствах? Неужели у тебя действительно есть такая кандидатура?

– Есть, – сказал Кудлин. – Твой начальник охраны. Акпер Иманов.

Рашковский молча налил себе еще одну рюмку коньяка и медленно выпил.

– Красиво, – наконец изрек он, – очень красиво. Я об этом даже не думал. Конечно, Иманов – подходящая кандидатура. Меня он не выдаст, и я ему почти абсолютно доверяю. Доверяю не только свою жизнь, но и жизни моих близких. Очень неплохо. Только учти, что, если твоего «попку-дурака» арестуют, потом возьмут Иманова, все подозрения все равно падут на меня. Он ведь мой начальник охраны.

– Это необязательно. Он занимался своими делишками, не ставя нас в известность, – возразил Кудлин, – просто подвел тебя, воспользовавшись твоим доверием и хорошим к нему отношением.

– Ты что, ревнуешь его ко мне?

– Надеюсь, что нет, не мой уровень. Просто излагаю возможное развитие ситуации. Если его арестуют, ты всегда можешь от него отречься.

– Послушай, Леонид, у тебя есть совесть? – ошеломленно спросил Рашковский.

– Я предлагаю свой план, чтобы спасти твою задницу, – разозлился Кудлин, – а ты читаешь мне моральные сентенции.

Собака подняла голову и громко залаяла.

– Успокойся, успокойся, – снова погладил ее Рашковский. – Ладно, – уже примирительно сказал он, – делай, что хочешь. Сам и будешь отвечать за свой дикий план.

– Договорились. – Кудлин поднялся, поправляя галстук и застегивая верхнюю пуговицу. – Я тебе позвоню, как только отыщу нужного «попку». Сразу позвоню, чтобы тебя обрадовать.

Он ушел, а Рашковский еще долго сидел в одиночестве, размышляя над этой беседой. Его беспокойство постепенно передавалось собаке, которая вскочила и начала бегать кругами вокруг его кресла.

Глава 5

Вы помните, как все началось? В мае восемьдесят девятого, когда открылся первый съезд народных депутатов. Вся страна не работала, а смотрела это дурацкое шоу с участием первых лиц государства. Там были и свои «солисты». Горбачев, Лукьянов, Нишанов с его смешным русским – с одной стороны, и Сахаров, Ельцин, Собчак – с другой. Этот театр был самым занимательным зрелищем эпохи распада нашей прежней страны. Именно с него и начался общий разброд и бардак. Ну, разве будут уважать первого человека в государстве, если на весь мир показывают, как с ним спорят, третируют его, оскорбляют, обвиняют, издеваются, смеются, забавляются, унижают. Конечно, Горбачев сам породил эту ситуацию. Но когда понял, что происходит, было уже поздно. Джинн вырвался из бутылки, и загнать его обратно не было никакой возможности. Это ведь были, в большинстве своем, люди с рабской психологией, считавшие, что вождь всегда прав. Сталин тридцать лет бил народ мордой об стол, чтобы научить уважать вождей. Потом дурака Хрущева десять лет боялись снять – все еще сохранялся пиетет перед первым лицом. Ну а потом умирающие друг за другом старики dokonчили и культ вождя, и нашу страну. Три смерти за три года – это был явный перебор для такой большой страны. Затем появился Горбачев и «разрешил лаять». Вот на него и накинулись всей стаей, каждый упражнялся в остроумии.

Ельцин и его сотоварищи методично били по государству и партии, им помогали прибалтийские и грузинские депутаты. Становилось понятно, что мы обречены. Эта общая говорильня постепенно всем просто надоела. Народных депутатов справедливо считали не очень серьезными людьми, обычными демагогами, авантюристами, аферистами и болтунами. В общем, больше половины из них действительно были популистами и аферистами, но об этом многие узнавали гораздо позже.

У нас на заводе тоже проходили митинги в защиту Ельцина и его единомышленников. Я старался держаться подальше от этой многоголосой толпы, стараясь не влезать в политику.

Уже в девяностом у нас снова начались митинги и забастовки. Разыгралась инфляция, и на наши нищенские зарплаты уже невозможно было существовать. И тут я встретил Ольгу. Мне было уже под тридцать, ей двадцать три. Почти идеальное соотношение – мужчина старше своей подруги на семь лет. Мы встретились у знакомых, куда меня пригласила моя прежняя подруга Варвара. Я сразу обратил внимание на Ольгу. Тихая, скромная, спокойная, она сидела в углу на диване и листала альбом по изобразительному искусству. Одухотворенное лицо, светлые волосы, внимательный взгляд, очки. Значит, еще и интеллигентная девушка, подумал я, увидев, как она просматривает книгу. Немного позже выяснилось, что Ольга действительно искусствовед и занимается художниками эпохи Возрождения. Вот такой винегрет. Мне она сразу приглянулась, слишком уж отличалась от моих прежних подружек, заводских девочек, охотно хохочущих над сальными шутками парней.

Я был молодым, наглым и самоуверенным, но чем-то, очевидно, тоже ей приглянулся. А может, впервые соприкоснулась с другим миром и я ее удивил. Уже через неделю мы начали встречаться. Должен сказать, что, к моему огромному изумлению, мне никак не удавалось затащить ее к себе домой. Все мои уговоры пресекались решительно и категорично. Я даже немного нервничал, ведь раньше такого почти никогда не было. Как правило, мои знакомые девушки и молодые женщины соглашались выпить кофе у меня дома, а остальное – уже дело техники. Но Ольга отказывалась даже обсуждать эту тему.

Однако мне нравились ее спокойная уверенность, ее выдержка, ее интеллигентность, ее энциклопедические знания. К тому же выяснилось, что она дочь известного профессора медицины, а ее мать работает доцентом Московской консерватории. В общем, Ольга Семернина казалась мне очень приличной партией. Позже я узнал, что мать хотела выдать ее за какого-то

молодого скрипача-еврея, который делал фантастическую карьеру и обещал вырасти в новую звезду мирового уровня. Но Ольге этот заумный очкарик не глянулся, и она почему-то выбрала меня. Может, ей понравились мой напор, моя молодость, мое очевидное нахальство? Думаю, еще ее привлекала моя непохожесть на тех молодых хлюпиков, которые появлялись у них дома. Это были в основном студенты ее матери, будущие пианисты и скрипачи, или ее однокурсники – будущие искусствоведы и театроведы. Я потом ближе познакомился с этой светской тусовкой. Наркоманы, гомосексуалисты, извращенцы – на любой вкус. Такое ощущение, что искусством и музыкой должны заниматься только сексуально неполноценные люди. На их фоне я выглядел секс-гигантом и настоящим мужчиной, чем, видимо, и привлекал Ольгу больше остальных.

Меня поддержал и ее отец, профессор Николай Павлович Семернин, который относился ко мне очень доброжелательно. Ему нравился и мой армейский опыт в Таджикистане, и мое трудное становление в Москве, и даже моя работа на прославленном заводе. В отличие от своей жены, твердо уверенной, что такой плебей, как я, не может быть мужем ее дочери, он как раз относился ко мне с уважением и полагал, что его взрослая дочь имеет право на самостоятельный выбор. Все было хорошо, пока мама Ольги не увидела мой паспорт и не узнала про мой первый брак. Она сразу заявила, что первый брак у меня был настоящим и я бросил свою первую жену. А вот Николай Павлович мне поверил, когда я рассказал ему, что был вынужден заключить фиктивный брак для получения московской прописки. Он громко хохотал, когда я рассказывал подробности.

Но моя будущая теща была неумолима. Она все время намекала, что я жил с этой теткой, называвшейся моей первой женой. Я рассказывал о разнице в возрасте, о ее помятом лице, о ее профессиональных услугах «жены», у которой я был шестым «мужем», показывал паспорт с пропиской и датой «женитьбы», но все было безрезультатно. Будущая теща не хотела мне верить.

С Ольгой же постепенно все налаживалось. Через три недели она наконец согласилась подняться ко мне в квартиру. В первый вечер я вел себя деликатно и осторожно. Во второй раз я уже перешел к более решительным действиям, хотя она честно сопротивлялась до последнего, причем так яростно, словно я собирался ее изнасиловать. А в третий раз, еще через неделю, я наконец сумел уговорить ее раздеться. И только тогда понял, уже непосредственно в процессе нашего общения, почему она так боялась и сопротивлялась. Ольга оказалась девственницей. Можете себе представить? В двадцать три года быть девственницей!

После того как она перестала ею быть, Ольга полтора часа плакала и переживала, словно потеряла самую большую ценность в своей жизни, вместо того чтобы радоваться, что наконец стала женщиной. Через несколько дней она сама позвонила мне, и мы снова встретились. На этот раз она вела себя более раскованно. В общем, через три месяца она уже ждала нашего общего ребенка, а еще через два месяца мы сыграли свадьбу вопреки желанию ее матери. На свадьбу приехали из Казани моя сильно постаревшая мама, сестра Зарина с мужем и даже двое их оболтусов-близнецов, которые были похожи друг на друга как две капли воды. Я пригласил на свадьбу всех своих знакомых и коллег. Не скрою: многие мне завидовали. Таковую партию сделал, из такой семьи девочку отхватил, будучи провинциалом, лишь недавно перебравшимся в столицу... И еще я стал зятем самого профессора Семернина, члена-корреспондента Российской академии наук, профессора, проректора, лауреата и тому подобное. Меня сразу сделали начальником цеха с довольно приличным окладом. Хотя окладов приличных тогда ни у кого не было, сказывались события девяностых, когда началась галопирующая инфляция.

Осенью девяностого у нас родилась дочь, и мой тесть сделал нам королевский подарок – подарил трехкомнатную квартиру на Чистопрудном бульваре, куда мы с Ольгой и маленькой Аллой и переехали. И еще тесть помог обставить квартиру заграничной мебелью. В общем, все шло как нельзя лучше. Но в конце девяносто первого, отправившись в Сибирь на какой-то научный симпозиум, наш профессор простудился, вернулся домой с воспалением легких и

сгорел буквально в считанные дни. Буквально через несколько дней после этого в Беловежской Пуще трое руководителей славянских республик дружно разорвали нашу страну на куски. И мы оказались в новом году уже в другой стране и без нашего тестя, который так много значил для всех нас.

У моей тещи, кроме дочери, никого не было, и она больше времени проводила у нас, чем в своей четырехкомнатной квартире. Конечно, она меня раздражала, я ведь не забывал, что она была против наших отношений с Ольгой.

Тут начались такие времена, о которых даже вспоминать страшно. На заводе платили сущие гроши, в магазинах было пусто, о детском питании нельзя и мечтать. Должен признаться: теща здорово выручала. Некоторые из ее воспитанников ездили за границу и привозили оттуда детские подгузники, памперсы, детское питание. Но так не могло продолжаться долго. Моя зарплата была эквивалентна восьми долларам, и нужно было что-то предпринимать. К середине девяносто первого мы уже просто выживали. Я решил уйти с завода, где проработал почти десять лет, и устроился в кооператив по выпуску керамической посуды. Кооператив прогорел через три месяца, и я перешел в другой кооператив, который занимался изготовлением мягких игрушек. Но и здесь ничего не получилось – прогорели уже через два месяца, нашу продукцию просто выбросили на помойку.

Только не считайте меня идиотом. Я просто невезучий человек. Иногда такое случается. Некоторые рождаются везучими, а некоторые невезучими. Ну почему мой отец так рано умер? Почему я попал под пулю за два дня до демобилизации? И почему получил в госпитале общее заражение крови? Почему Николай Павлович умер так не вовремя... хотя разве можно умирать вовремя? И почему прогорели оба наших кооператива? Вы скажете, что это было просто несерьезно – выпуск мягких игрушек. А я вам приведу другой контраргумент. Вы знаете, что Роман Абрамович тоже начинал с кооператива, выпускающего мягкие игрушки? Не знали? Теперь будете знать. Где он теперь – помните? Кажется, его капитал оценивается в восемнадцать миллиардов долларов. Да, я прекрасно знаю, что свое состояние он сделал благодаря близости сначала с Березовским, а потом с дочерью президента, но ведь сумел сделать. А начинал с мягких игрушек. И был, между прочим, круглым сиротой, так что исходные данные у него были еще хуже, чем у меня. Я же говорю, что есть просто везучие типы, а есть невезучие, как я.

К концу девяносто первого стало понятно, что дальше так жить нельзя. Мы начали продавать вещи из дома, чтобы элементарно выжить. Честно признаюсь, что первоначально Ольга держалась достаточно неплохо. Она меня всячески поддерживала, помогала, подбадривала. Но через какое-то время превратилась постепенно в неуравновешанную истеричку, закатывавшую скандалы по любому поводу. И почти каждый наш разговор неизменно сводился к отсутствию денег. Конечно, в этих спорах ее всегда поддерживала мать, обвинявшая меня в том, что я не умею зарабатывать деньги и вообще оказался никуда не годным мужчиной. Было ужасно обидно и стыдно.

Я долго думал и наконец решил что-то предпринять. Весной девяносто второго позвонил мой родственник Муса Хайрулин и предложил на паях купить большую партию кожи в Турции, чтобы продать ее в России с двойной наценкой и получить нужную прибыль. Он обеспечивал перевозку и растаможку продукции, а я должен был закупить эту партию в Стамбуле. Дело было за малым – где-то достать двадцать тысяч долларов. Муса считал, что у меня есть такие деньги, ведь умерший профессор должен был оставить наследство своей единственной дочери. Откуда ему было знать, что, кроме книг, мы получили три сберкнижки на сумму в двадцать две тысячи рублей, которые по советским временам были огромным состоянием, а к девяносто второму вообще ничего не стоили.

Честное слово, я не спал несколько ночей. Но в конце концов решил продать нашу кооперативную квартиру и полученные деньги вложить в эту турецкую кожу.

Тогда цены на московскую недвижимость были совсем другими, они еще не взлетели до заоблачных высот, а доллар стоил очень дорого. За мою двухкомнатную квартиру давали несколько тысяч долларов, за нашу с женой – только восемнадцать тысяч. Уже через пятнадцать лет я случайно узнал, что соседнюю квартиру продали за восемьсот пятьдесят тысяч долларов, и хозяин считал, что отдал ее почти задаром. А я тогда уговорил жену переехать вместе с дочерью к матери и продал нашу квартиру всего за восемнадцать тысяч долларов. Мне казалось, что я смогу стать успешным бизнесменом. Недостающие две тысячи занял у друзей и знакомых.

Вы, конечно, догадываетесь, что потом случилось? Я заплатил двадцать тысяч долларов и купил кожу, которая оказалась некондиционной и очень некачественной выделки. Никто не давал за нее не только сорок тысяч, но и своей цены. С огромным трудом мне удалось продать все это гнилье за четыре тысячи долларов. И я еще радовался, что сумел так удачно выкрутиться. Две тысячи долгов я раздал сразу и с остальными деньгами явился к жене. Кажется, Ольга тогда впервые назвала меня козлом, придурком и неудачником и отобрала все оставшиеся деньги. Я действительно чувствовал себя настоящим придурком и неудачником.

Целый месяц я сидел дома, никуда не выходя. Вернее, отсиживался в своей двухкомнатной квартире на «Соколе», куда я сбегал от постоянных упреков жены и тещи. Они, уже не стесняясь маленькой Аллы, по каждому поводу и без повода называли меня дебилом, загубившим жизнь Ольги, идиотом, который ничего не соображает, кретином, который прогорел на своих дурацких турецких закупках. Можете себе представить, как я в тот момент ненавидел всех мусульман. И не только турков, а вообще всех, включая моего родственника Мусу. Они казались мне воплощением всего самого худшего, что бывает в людях, как будто кто-то был виноват, что я оказался обычным лохом.

Было ужасно обидно. И еще эти беспрерывные скандалы дома... Ольга уже работала в музее и приносила домой «живые» деньги, ее мать преподавала в консерватории, а я сидел дома без работы и перспектив. Проситься обратно на завод было глупо, там все время шло сокращение, а оставшиеся сотрудники получали нищенские зарплаты, которые можно было считать лишь символической платой за труд.

Я честно терпел несколько лет, пытаясь хоть как-то заработать деньги. За какую только работу не брался! Готов был работать гидом в туристических организациях, охранником в казино, инженером в жэке. Но это были лишь временные работы, откуда меня через какое-то время или увольняли, или выгоняли. Сказывалась моя невезучая судьба. Последним предложением была должность водителя троллейбуса. Я готов был на нее согласиться, хотя машины у меня никогда не было, но водить я умел, однако узнал, что на мое место уже взяли другого, более молодого. Хотя в тот момент мне было только тридцать пять!

Шел девяносто пятый год.

Обстановка в доме накалилась до предела. Алла уже все понимала, ей исполнилось пять лет. По любому поводу жена устраивала дикие сцены, говоря об отсутствии денег у такого козла, как я, и все время вспоминала, что продала за восемнадцать тысяч долларов квартиру на Чистопрудном бульваре, которая теперь могла стоить в десять, двадцать, тридцать раз дороже. Можете себе представить, в каком аду я жил? И еще моя теща, эта ядовитая змея, готовая в любой момент поддержать свою дочь. Она словно нарочно, приходя домой, рассказывала об успехах своих учеников – скрипачей и пианистов, которые ездят по всему миру, получают огромные гонорары и позволяют себе покупать даже недвижимость за границей. Подтекст ее выступлений был понятен: если бы Ольга не вышла замуж за такого никчемного дебила, а выбрала бы кого-то из учеников матери, то теперь она жила бы в Лондоне или Париже, ни в чем не нуждаясь.

Должен заметить, что Ольга мне не изменяла. Она была просто не тем человеком, который способен разделять свое ложе с двумя разными мужчинами. Но эти ежедневные скандалы

были просто невыносимы. Лучше бы она мне изменяла; может, тогда стала бы немного спокойнее. Последние два с лишним года мы жили практически как чужие. Она не пускала меня в кровать, утверждая, что брезгует и презирает меня. А потом заявила, что вообще потеряла ко мне всякое желание. А ведь ей было только двадцать восемь. Иногда мне казалось, что она просто сходит с ума, настолько меня доставали ее внезапные приступы бешенства, ее постоянные истерики. Как только она узнавала об успехах своих знакомых, о поездках за границу своих замужних подруг, об их новых нарядах, тут же выплескивала на меня свое негодование и свою ненависть. Вы можете мне не поверить, но в последние годы мы просто ненавидели друг друга. Не могли спокойно разговаривать или слышать какие-то доводы. Каждый разговор заканчивался либо скандалом, либо ссорой. Несколько раз я едва не ударил ее, но еще больше мне хотелось убить ее мать.

Конец наступил неожиданно, когда к нам приехала моя мама. Я поселил ее в нашей двухкомнатной квартире, куда неожиданно заявила Ольга с Аллой. Она сразу начала с претензий, рассказав моей матери, как я продал ее квартиру, постепенно продавал все вещи ее отца и вообще сделал нищей свою семью. Мать, считавшая, что мы почти миллионеры, только испуганно охала и всплескивала руками. Кульминация наступила в тот момент, когда Алла сказала, что она голодная. Я отправился на кухню, чтобы найти там еду для дочери, а моя мать спокойно заметила, что это не мое дело, у ребенка есть мама. Вот тут Ольга словно с цепи сорвалась. Она начала кричать на мою мать; орала, что та не смогла вырастить нормального сына, упрекала ее во всех моих грехах, даже вспомнила, что я чищу зубы по утрам и не люблю чистить их по вечерам. А потом забрала Аллу и ушла, сильно хлопнув дверью. Мать долго молчала, а потом тихо посоветовала мне разводиться.

– У вас уже не будет нормальной жизни, вам лучше разойтись. Нельзя жить с женщиной, которая настолько не уважает своего мужа.

Я подавленно молчал. Эта безобразная сцена со стороны Ольги была вполне предсказуема. И моя мать права: больше жить в подобном аду было просто невозможно.

Через четыре месяца мы подали на развод. Только на этот раз – в суд, так как у нас был несовершеннолетний ребенок. Я понимал, что не имею права ни на что претендовать. Я и не претендовал. Суд вынес решение, что двадцать пять процентов моего будущего заработка я должен отдавать на алименты. Я соглашался, только нужно было найти работу и зарплату, с которой могли снимать эти несчастные двадцать пять процентов. Я тогда даже не подумал, что следует оговорить в суде право на свидания с дочерью. Жена и теща меня так достали, что я готов был на все, чтобы больше не видеть и никогда не слышать их. Они оставались в огромной четырехкомнатной квартире профессора Семернина, а я возвращался в свою квартиру у метро «Сокол». Все было правильно, и никто не возражал. В последний день Ольга даже как-то внимательно и тепло посмотрела на меня, предложив звонить и заходить когда хочу. Теща со мной принципиально не разговаривала. Нас развели через два месяца после подачи заявления, и я остался холостым, без работы и без семьи в свои тридцать шесть лет.

Глава 6

Офис Леонида Дмитриевича Кудлина находился в неприметном месте на Старой Басманной улице, занимая небольшое двухэтажное помещение. В свое время Кудлин получил второе, юридическое, образование и теперь был членом московской коллегии адвокатов, что позволяло ему открыть свою юридическую консультацию, в которой не давали консультации и не работали с клиентами. В преступном мире Москвы все знали, что Кудлин работает только на Рашковского и является его правой рукой. Однако переезжать в величественный офис компании патрона Кудлин всегда отказывался, полагая, что правильнее находиться на некотором отдалении от своего работодателя и напарника.

В его здании, кроме самого Кудлина, работало еще несколько человек, которые выполняли наиболее деликатные поручения своего босса. Кудлин не понимал и не принимал внешнего антуража. Огромные кабинеты с массивной мебелью, украшенные персидскими коврами, были не для него. В его кабинетах все было просто и максимально удобно. Дешевая шведская мебель, очень простые телефоны, обычные вешалки из металлических отходов, чешские обои. Кудлин знал, что настоящая власть не в антураже, а в реальных деньгах и влиянии, которым располагал Рашковский, а значит, и его советник. Единственное исключение, которое безусловно допускалось, это спецтехника, которой был нашпигован его двухэтажный офис. Буквально каждый сантиметр был под контролем. Везде стояли скремблеры и скэллеры, не позволявшие посторонним услышать, о чем говорят хозяева кабинетов. Даже в оконные рамы были вмонтированы специальные приборы, мешавшие считывать разговоры с вибрации оконных стекол. Именно здесь Кудлин чувствовал себя достаточно комфортно, чтобы разговаривать с нужными людьми на важные темы и не опасаться, что его могут услышать. В особняке был и отдельный кабинет, защищенный со всех сторон, какой обычно оборудуется в зарубежных посольствах для шифровальщиков и сотрудников службы безопасности. В этом кабинете Кудлин принимал самых важных гостей.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.